

П.К. Дашковский

Алтайский государственный университет
 пр. Ленина, 61, Барнаул, 656049, Россия
 E-mail: dashkovskiy@fpm.asu.ru

КУРГАНЫ ЕНИСЕЙСКИХ КЫРГЫЗОВ НА МОГИЛЬНИКЕ ЧИНЕТА II (АЛТАЙ)

В статье представлены результаты исследования кыргызских курганов на могильнике Чинета II в Северо-Западном Алтае. В погребениях, совершенных по обряду кремации, обнаружен сопроводительный инвентарь, который включал преимущественно предметы вооружения, поясных наборов и снаряжения лошади. Раскопанные курганы относятся к двум этапам развития локального варианта кыргызской культуры на Алтае – яконурскому (вторая половина IX – первая половина X в.) и ак-ташскому (вторая половина X – XI в.). Установлены особенности взаимоотношений пришлых кыргызов с местным населением Алтая. На первом, яконурском, этапе наблюдалось их мирное сосуществование, поскольку тюрки в IX–X вв. выступали союзниками кыргызов в войне против уйгуров. Во второй, ак-ташский, период пребывания кыргызов на Алтае характер взаимоотношений несколько меняется. Зафиксировано впускное кыргызское захоронение в более раннем кургане сrostкинской культуры. Это может объясняться как враждебными отношениями, так и утратой информации о принадлежности погребального объекта вследствие непостоянного пребывания на Алтае кыргызов в XI в.

Ключевые слова: кыргызы, Сибирь, Центральная Азия, Средневековье, этнополитические процессы, погребальный обряд, кремация, оружие, конское снаряжение.

Введение

Курганный комплекс Чинета II расположена в 1,0–1,4 км к юго-востоку от с. Чинета (Краснощековский р-н Алтайского края) на второй надпойменной террасе р. Ини (рис. 1, 2). С 2001 г. работы в Чинетинском археологическом микрорайоне, в состав которого входит этот разновременный могильник, проводит археологическая экспедиция Алтайского университета под руководством автора. В настоящее время на памятнике исследовано 29 курганов, относящихся к скифо-сакскому периоду и Средневековью. Среди них четыре оказались с погребениями по обряду кремации. Кроме того, в кургане сrostкинской культуры обнаружено впускное захоронение с трупосожжением. Краткие сведения о результатах исследования уже публиковались [Тишкин, Дашковский, Горбунов, 2005]. В данной статье приводится подробная характеристика погребального обряда, инвентаря и дается культурно-хронологическая атрибуция исследованных объектов.

Характеристика погребального обряда и инвентаря

Курганы 10–13 располагались в южной части могильника Чинета II рядом с группой объектов сrostкинской культуры в пределах одного сакрального пространства (рис. 2). Насыпь кург. 10, состоявшая из двух – четырех слоев камней, имела диаметр 8,5 м, высоту 0,06–0,75 м (рис. 3). Под ней обнаружено погребение по обряду кремации (рис. 4). Кальцинированные кости человека вместе с погребальным инвентарем находились на уровне древнего горизонта на достаточно обширной площади. Размеры этого скопления аморфной формы по линиям С–Ю и З–В соответственно 1,65 и 1,73 м. В северной части погребения обнаружены два железных наконечника стрел, фрагмент железного ножа, бронзовые пряжка (рис. 5, 19) и четыре бляшки, в восточной – еще одна пряжка из бронзы (рис. 5, 18), бронзовые шарики, образовавшиеся в то время, когда вещи находились на погребальном костре, и конский зуб. Кроме того,

Рис. 1. Расположение могильника Чинета II.

в северной половине погребения была обнаружена небольшая яма-тайник округлой формы диаметром 0,65 м и глубиной до 0,33 м, в которой находились четыре железных наконечника стрел. По классификации, предложенной В.В. Горбуновым [2006, с. 32–33], из шести наконечников, найденных в кург. 10, три можно отнести к типу 24 (вариант в) – трехгранно-трехлопастным асимметрично-ромбическим с шайбовидным упором, а другие три – к типу 29 (вариант а) – трехгранным асимметрично-ромбическим с шайбовидным упором.

Важно обратить внимание на то, что две небольшие овальные портупейные пряжки на коротких щитках подпрямоугольной формы отличаются друг от друга: у одной окончание щитка округлое, а у другой треугольное. Указанные изделия имеют устойчивые аналоги в памятниках кыргызской культуры IX–X вв. в Хакасии, Туве и Восточном Казахстане (Тюхтятский клад [Евтюхова, 1948, рис. 131], могильники Тора-Тал-Арты [Нечаева, 1966, рис. 9, 4],

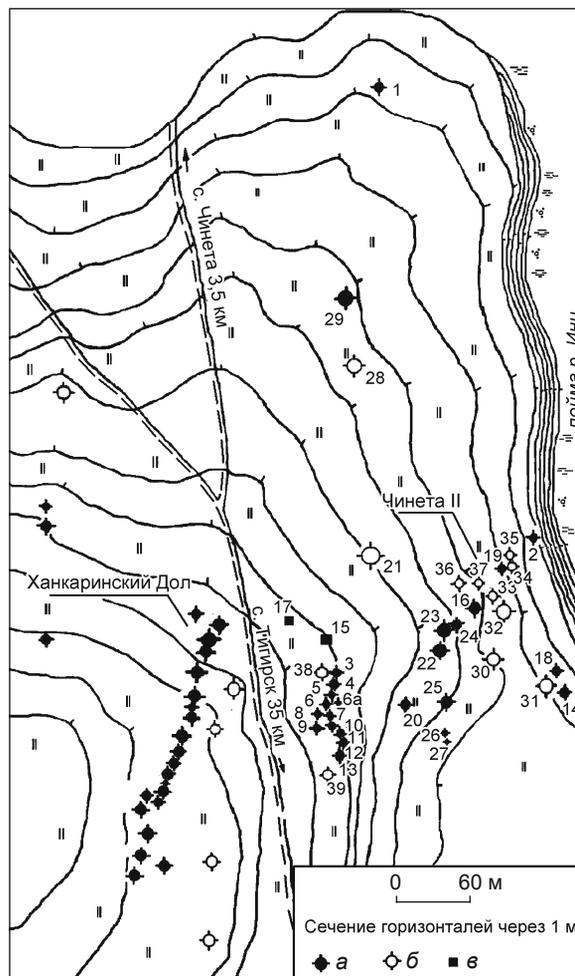

Рис. 2. План могильников Чинета II и Ханкаринский Дол. а – раскопанные курганы; б – нераскопанные; в – раскопанные торкские оградки.

Шанчиг [Кызласов Л.Р., 1969, рис. 35, 8], Зевакинский [Арсланова, 1972, табл. IV, 19] и др.).

Курган 11 располагался в 5,75 м к югу от кург. 10 (рис. 6). Насыпь диаметром ок. 5 м, высотой 0,6 м

Рис. 3. Насыпь кург. 10.

Рис. 4. Погребение по обряду кремации в кург. 10.

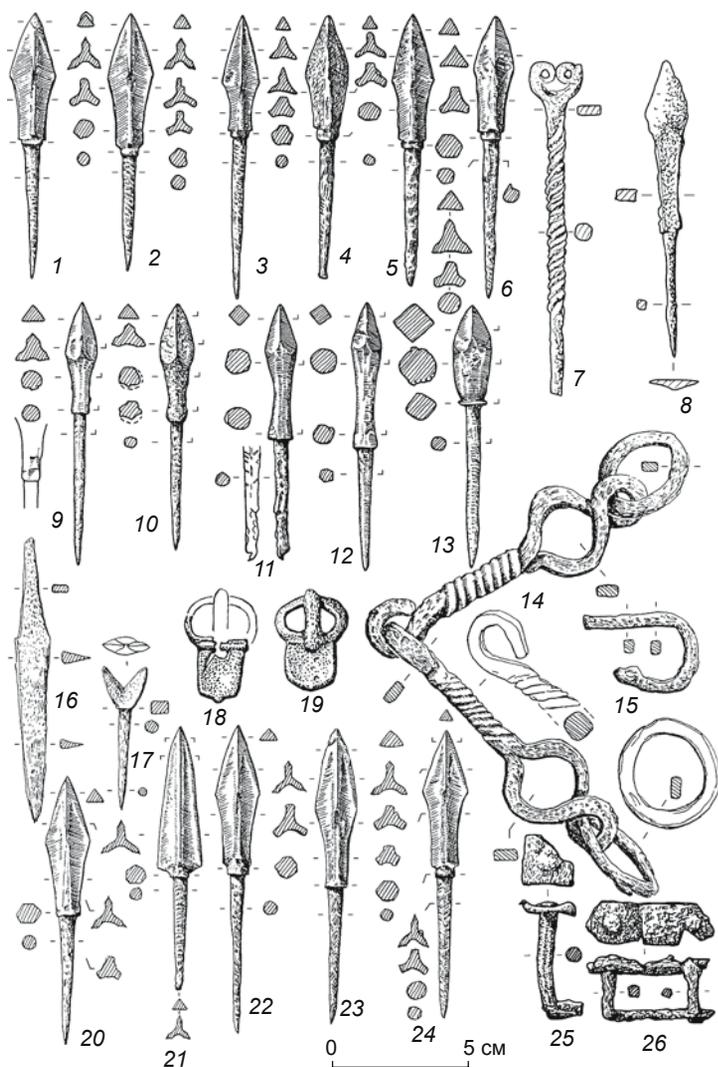

Рис. 5. Погребальный инвентарь из курганов 1, 10, 11, 13 могильника Чингета II.

1–6, 9–17, 20–24 – кург. 13; 7, 8 – кург. 1; 18, 19 – кург. 10; 25, 26 – кург. 11.
1–17, 20–26 – железо; 18, 19 – бронза.

Рис. 6. Насыпи курганов 11, 12.

была сложена из камней в два-три слоя. Под ней обнаружено погребение на уровне древнего горизонта, представлявшее собой скопление кальцинированных костей человека, золы, углей, различных бронзовых и железных предметов, которое имело вытянутую по линии 3–В овальную форму, его длина 2,3 м, ширина 1,65 м. При разборе погребения были обнаружены железная двойная накладка (см. рис. 5, 26) и четыре штифта (пробой) с фиксирующими пластинами от седла (см. рис. 5, 25), две целые бронзовые пряжки на коротких щитках подпрямоугольной формы с треугольным окончанием и один фрагмент аналогичного изделия, бронзовые капельки, железное кольцо, тренчик.

Следует подчеркнуть, что железные штифты, использовавшиеся для крепления составных элементов седел, встречаются достаточно редко в раннесредневековых курганах. В частности, они выявлены в погр. 1 кург. 3 могильника Новофирсово VII на Алтае, датированного IX–X вв. [Алехин, 1990, рис. 6, 2, 3].

Курган 12 находился в 4,25 м к югу от кург. 11 (см. рис. 6). Насыпь, аналогичная вышеописанной, имела диаметр 4,25 м, высоту 0,4–0,6 м. Под ней, в южной половине, обнаружено погребение по обряду кремации, совершенное на уровне древнего горизонта. Скопление кальцинированных костей человека, золы, углей, различных бронзовых и железных предметов было вытянуто по линии С–Ю.

При разборе северной половины насыпи обнаружено железное навершие рукоятки плетки в виде клюва птицы (рис. 7, 10). Традиция использования кочевыми народами плетки для управления лошастью и даже в качестве предмета вооружения достаточно хорошо фиксируется со скифского времени и вплоть до этнографической современности [Бородовский, 1993]. Навершия в виде головы птицы известны в материалах разных средневековых памятников Западной и Южной Сибири [Кызласов И.Л., 1983, табл. XVIII, 1–5; Выборнов, 2007, с. 235; и др.].

В 0,35 м западнее кремированных останков человека найдено железное тесло (рис. 7, 21). Такие орудия встречаются в погребениях разных тюркоязычных кочевников эпохи Средневековья. С.П. Нестеров [1981], проанализировав тесла с памятников тюркской, кыргызской, сросткинской культур

Южной Сибири, выделил два типа с учетом соотношения втулки и лезвия: 1) с несомкнутой втулкой, равной по ширине лезвию или немного больше; 2) с «плечиками» – изделия, у которых лезвие шире втулки. По мнению С.П. Нестерова [Там же, с. 172], первые были распространены в VI–VIII вв., а вторые – в VIII–X вв. Б.Б. Овчинникова [1990, с. 58–60], обобщив спустя почти десятилетие материал по теслам из погребений тюркоязычных кочевников, выделила три типа, подразделенные еще в зависимости от размеров на подтипы. При этом первый и третий совпадают с типологией С.П. Нестерова, а второй является переходным и характеризуется тем, что внешний контур изделий имеет намеченные «плечики» при переходе от места насадки к рабочему краю.

Тесло из кург. 12 могильника Чинета II относится к третьему типу (подтип а) – с «плечиками». Такие орудия, по мнению Б.Б. Овчинниковой [Там же, с. 59], были наиболее распространены в X–XII вв., хотя в Хакасии они известны и в более ранний период – в культуре чаатас в VI–VII вв. Тесла с «плечиками» обнаружены в разных кыргызских захоронениях в Туве, Хакасии и Восточном Казахстане (Эйлиг-Хем III, кург. 3 [Грач, Савинов, Длужневская, 1998, с. 43, табл. XX, 23], некрополи Тора-Тал-Арты [Нечаева, 1966, рис. 20, 2] и Шанчиг [Кызласов Л.Р., 1969, рис. 34. 1], Зевакинский могильник, курганы 97, 100, [Арсланова, 1972, табл. III, 1; IV, 17] и др.). Орудия данной категории, вероятно, были многофункциональными. Следует обратить внимание на вывод С.П. Нестерова о том, что тесла встречаются в погребениях тюрков с конем вместе с набором предметов вооружения легковооруженного всадника, поэтому они могли использоваться в качестве рубящего оружия ближнего боя [1981, с. 172]. В последующем ученые обратили внимание на сочетание в погребальном инвентаре тесел с предметами вооружения кыргызского воина [Грач, Савинов, Длужневская, 1998, с. 37]. В кург. 12 могильника Чинета II тесло также обнаружено в таком комплекте.

Среди оружия ближнего боя особо нужно отметить кинжал (рис. 7, 11). Согласно классификации средневековых кинжалов [Горбунов, 2006, с. 79], экземпляр из данного кургана можно отнести к типу 23 – железным двухлезвийным с клинком треугольной формы с линзовидным сечением и с гладким череном. Аналогичные кинжалы на Алтае обнаружены на памятниках тюркской культуры Кудыргэ, датированных в пределах второй половины VI – первой половины IX в. [Там же, с. 81].

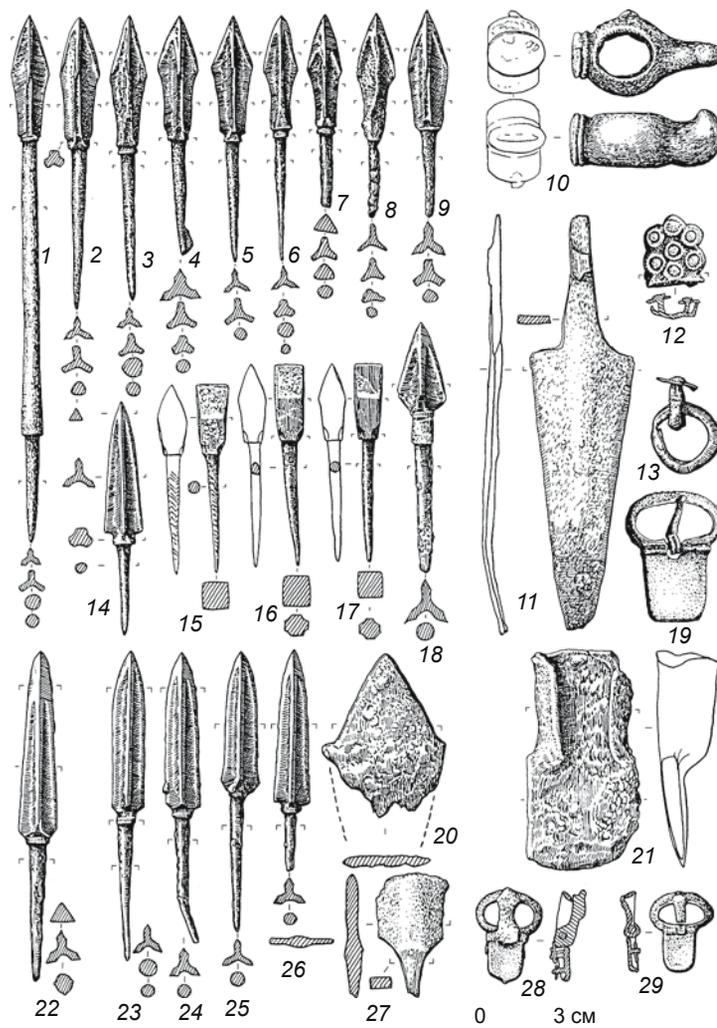

Рис. 7. Погребальный инвентарь из кург. 12 могильника Чинета II. 1–11, 13–18, 20–27 – железо; 12, 19, 28, 29 – бронза.

Наиболее массовые находки – железные черешковые наконечники стрел, которые найдены в северной части захоронения, – 21 экз. Их можно распределить по восьми типам согласно классификации В.В. Горбунова. К типу 9 (вариант г), характеризующемуся трехлопастным пером треугольной формы с шайбовидным упором, относятся 2 экз. (рис. 7, 14, 26). Тип 11 (вариант в) представлен семью наконечниками, у которых выступающий насад и трехлопастное перо ромбической формы с шайбовидным упором (рис. 7, 2–6, 8, 9). Разновидностью этого же типа (вариант г) является экземпляр со всеми вышеуказанными признаками, но не с шайбовидным, а цилиндрическим упором (рис. 7, 1). Тип 16 (вариант в), который отличается негеометрической килевидной формой пера с шайбовидным упором, представлен тремя наконечниками (рис. 7, 23–25). К типу 23 (вариант б), характеризующемуся трехгранно-трехлопастным пером треугольной формы с шайбовидным упором, отнесены 2 экз. (рис. 7, 18, 22). Один

наконечник, у которого перо с шайбовидным упором имеет ромбовидные очертания (рис. 7, 7), принадлежит к типу 25 (вариант а). К типу 42 (вариант в) – четырехгранным с пером четырехугольной формы с цилиндрическим упором – относятся 3 экз. (рис. 7, 15–17). Один наконечник представляет тип 49 (вариант а) – ярусные треугольно-трапециевидные без упора (рис. 7, 20). Последний экземпляр относится к типу 59 (вариант а), к т.н. секторным наконечникам, у которых абрис пера напоминает сектор круга, где дуга соответствует лезвию (верхнему краю), а радиусы составляют боковые стороны (рис. 7, 27).

В 0,25 м к западу от скопления наконечников стрел найдены две портупейные округлые пряжки на коротких щитках подпрямоугольной формы с треугольным окончанием у одной и округлым у другой (рис. 7, 28, 29). Еще одна пряжка, основная, обнаружена в западной части захоронения. Она также округлая, на коротком подпрямоугольном щитке (рис. 7, 19). Аналоги таких предметов приведены выше при рассмотрении бронзовых пряжек из кург. 10.

Среди находок из западной части захоронения выявлены и другие детали поясного набора – два наконечника ремня с треугольным окончанием (рис. 7, 12), четыре бронзовые бляхи, а также железная пластина, кольцо (рис. 7, 13) и ряд фрагментов металлических изделий. Следует отметить, что наконечники ремней разных типов достаточно часто встречаются в кыргызских курганах Хакасии и Тувы. При этом они нередко богато орнаментированы [Кызласов Л.Р., 1969; Грач,

Савинов, Длужневская, 1998; Король, 2008; и др.]. Наконечники ремня из кург. 12 могильника Чинета II украшены циркулярным орнаментом, который был достаточно широко распространен в эпоху Средневековья в Хакасско-Минусинской котловине и за ее пределами благодаря простоте его исполнения [Кызласов Л.Р., Король, 1990, с. 98, табл. XXI, 15].

Курган 13 располагался в 14,5 м к югу от кург. 12. Насыпь, сооруженная из камней в два – четыре слоя, имела диаметр 6,5 м, высоту 0,60–0,75 м. Под ней, в восточной части, обнаружено погребение по обряду кремации, совершенное в небольшой ямке размером 1,00×0,42×0,14 м (глубина от уровня материка), ориентированной по линии ЮВ – СЗ (рис. 8). На дне могилы у северной стенки расчищено компактное скопление кальцинированных костей человека. В нем найдены капли бронзы, фиксирующая пластина от шпенька и бронзовый гвоздик в куске обугленного дерева. Отдельно в западной части могильной ямы лежали железные предметы, побывавшие в огне. Среди находок представлены удила с витыми звеньями и стержнем, крюковыми внутренними и восьмерковидными внешними окончаниями (см. рис. 5, 14). В большом отверстии одного зафиксирована скоба псаля (см. рис. 5, 15). Аналогичные удила достаточно хорошо известны в материалах раннесредневековых памятников IX–X вв. на Алтае, в Туве, Хакасии и Восточном Казахстане (Карболиха VIII, кург. 8, Гилево XV, кург. 4 [Могильников, 2001, рис. 34, 7; 30, 12], Эйлиг-Хем III, курганы 1, 3 [Грач, Савинов, Длужневская, 1998, с. 33–34], Ангор-Хву, кург. 1 [Длужневская, Семенов, 1990, рис. 2, 11], Тюхтятский клад [Евтюкова, 1948, рис. 134], Кезеелиг-хол, кург. 1 [Худяков, 1982, рис. 5, 2], Зевакинский могильник, кург. 97 [Арсланова, 1972, табл. V, 7], Шанчик [Кызласов Л.Р., 1981, рис. 33, 28] и др.). Следует обратить внимание на одну особенность: на удилах из могильника Эйлиг-Хем III в Туве восьмеркообразные внешние окончания расположены в перпендикулярных плоскостях, а на экземплярах из могильника Чинета II и ряда памятников Хакасии и Восточного Казахстана – в одной. Исследователи отмечают, что витые стержни удил в сочетании с восьмеркообразными внешними окончаниями, расположенными в одной плоскости, были широко распространены в IX–X вв. не только у кыргызов, но и у других народов, находившихся под их влиянием [Грач, Савинов, Длужневская, 1998, с. 33]. Аналогичные удила обнаружены автором в кург. 9 могильника Чинета II, датированном второй половиной IX в. и относящемся к грязновскому этапу сrostкинской культуры [Гишкин, Дашковский, Горбунов, 2004, с. 411, рис. 1, 28].

В погребении также найден небольшой железный однолезвийный черешковый нож (см. рис. 5, 16). Предметы данной категории встречаются на памятни-

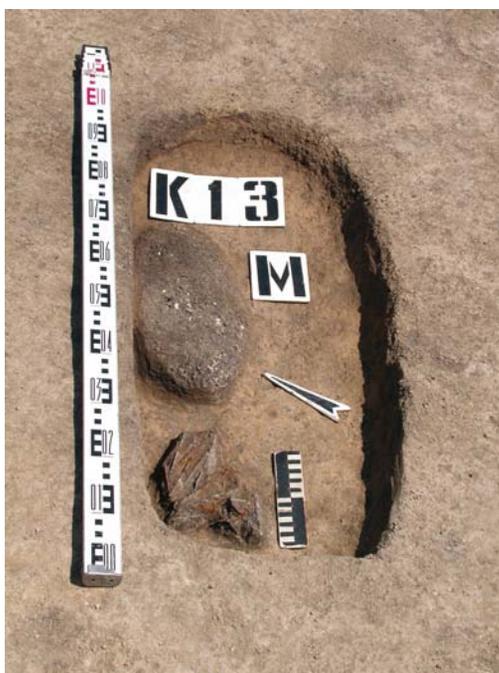

Рис. 8. Погребение по обряду кремации в кург. 13 могильника Чинета II.

ках кыргызов в соседних с Алтаем регионах [Кызласов Л.Р., 1981, рис. 31, 33; Арсланова, 1972, табл. III, 3, 4; табл. IV, 18; Грач, Савинов, Длужневская, 1998, табл. XVIII, 33–37]. Типология и хронология ножей из кыргызских комплексов пока еще детально не разработана, но наиболее близкий по морфологическим признакам экземпляр найден в кург. 100 Зевакинского могильника [Арсланова, 1972, табл. IV, 18].

Из предметов вооружения в погребении обнаружено 17 железных черешковых наконечников стрел (см. рис. 5, 1–6, 9–13, 17, 20–24), которые можно отнести к следующим типам по классификации В.В. Горбунова. Тип 9 (вариант г) представлен одним экземпляром, имеющим трехлопастное перо треугольной формы с шайбовидным упором (см. рис. 5, 21). Семь наконечников относятся к типу 11 (вариант в) – трехлопастным ромбическим с шайбовидным упором (см. рис. 5, 1, 2, 4, 20, 22–24). Три экземпляра трехгранно-трехлопастные ромбовидные с шайбовидным упором (см. рис. 5, 3, 5, 6), что соответствует типу 25 (вариант а). Два наконечника представляют тип 28 (вариант б) – трехгранные с пером треугольной формы и цилиндрическим упором (см. рис. 5, 9, 10). Два экземпляра относятся к типу 34 (вариант б), характеризующемуся четырехгранным пером треугольной формы с цилиндрическим упором (см. рис. 5, 11, 12). Один наконечник принадлежит к типу 39 (вариант а) – четырехгранным, с пером листовидной формы и шайбовидным упором (см. рис. 5, 13). Последний экземпляр по своим признакам связан с типом 57 (вариант а). Для него характерно однолопастное вильчатое по форме тело без упора (см. рис. 5, 17).

Кроме непосредственно курганов кыргызской культуры на могильнике Чинета II было обнаружено еще впускное кыргызское захоронение в кург. 1, который относится к сросткинской культуре [Тишкин, Дашковский, 2002] и, вероятнее всего, являлся кенотафом. Позднее данный курган из-за своих относительно больших размеров был разграблен, возможно, русским населением в XVIII–XIX вв. Тем более что старая часть с. Чинета функционировала в указанный период в 100 м от него. Разграбление кургана, очевидно, и обусловило разрушение обоих погребений – кыргызского и сросткинского. Среди находок, обнаруженных в процессе разбора насыпи, к вещам кыргызского типа относятся прокаленные на огне железные витая заколка (см. рис. 5, 7) и наконечник стрелы (см. рис. 5, 8), четырехгранный вытянуто-ромбической формы с цилиндрическим упором (тип 37, вариант в). Примечательно, что предметы женского туалета встречаются достаточно редко в погребениях кыргызов. Аналоги заколки из кург. 1 известны в кыргызских памятниках Хакасии [Кызласов И.Л., 1983, с. 41–42, табл. XXV, 32, 33]. При этом у экземпляра из могильника Чинета II на-

вершие выполнено в виде двух спиралей, закрученных вовнутрь, а у подобных изделий из Хакасии на оборот – наружу.

Наиболее массовые находки, железные наконечники стрел, обнаруженные при исследовании курганов 1, 10–13, имеют широкие аналогии в материалах памятников кыргызской культуры Тувы, Хакасии, Алтая и Восточного Казахстана [Кызласов Л.Р., 1969; Арсланова, 1972; Кызласов И.Л., 1983; Худяков, 1982, 1990; Дашковский, 2001; Грач, Савинов, Длужневская, 1998; и др.]. Поскольку данная категория инвентаря детально проанализирована В.В. Горбуновым [2006], в т.ч. в аспекте времени появления и существования отдельных типов, нет необходимости останавливаться на этом. Следует только отметить, что железный черешковый наконечник вытянуто-ромбической формы с цилиндрическим упором из кург. 1 (тип 37) является, вероятно, наиболее поздним из всех рассмотренных. Ромбические и вытянуто-ромбические наконечники характерны для кыргызских памятников XI–XII вв., в то время как во второй половине IX – X в. преобладали трехлопастные и трехгранно-трехлопастные [Худяков, 1990, с. 192–194, рис. 3; Горбунов, 2006, с. 40–41, рис. 33; и др.], которые в наибольшем количестве и представлены в погребениях кыргызов могильника Чинета II. В целом анализ сопроводительного инвентаря позволяет датировать курганы 10–13 второй половиной IX в., а впускное кыргызское захоронение в кург. 1 сросткинской культуры – XI в.

Заключение

Изучение серии курганов кыргызской культуры на могильнике Чинета II и некоторых других памятников на Алтае позволило исследователям более детально подойти к вопросам культурно-хронологического характера, которые ранее поднимались Л.Р. Кызласовым, И.Л. Кызласовым, Д.Г. Савиновым, Г.В. Длужневской, Ю.С. Худяковым и другими учеными. В частности, А.А. Тишкин и В.В. Горбунов предложили выделить два этапа развития кыргызской культуры на Алтае, обозначив их по наиболее хорошо изученным на тот период памятникам: яконурский (вторая половина IX – первая половина X в.) и ак-ташский (вторая половина X – XI в.). Первый (840 – ок. 950 гг.) соответствует «эпохе великодержавия» Кыргызского каганата и характеризуется наивысшим могуществом кочевого государства, второй (ок. 950–1050 гг.) озаменован его распадом на княжества Киргиз и Кэм-Кэмджиут [Тишкин, Горбунов, 2002]. Следует отметить, что в процессе дальнейших разработок периодизации культуры определенные перспективы имеет не только сравнительный анализ вещевого комплекса, но и радиоуглеродное датирование. Опыт такого исследования уже

получен автором при изучении могильника Чинета II. Из кыргызских курганов 10, 12 были отобраны три образца – обуглившейся древесины, угля и кальцинированной кости. Последний оказался не пригоден для исследования. По двум пробам получены даты 1300 ± 45 (СОАН-5858) и 1100 ± 70 (Le-7424) л.н., которые, в принципе, согласуются со временем пребывания кыргызов на Алтае.

Важным аспектом рассматриваемой проблематики является изучение взаимоотношений пришлых кыргызских воинских контингентов и местного населения. В кыргызское время в горных районах Алтая проживали тюркские племена, а в предгорьях и лесостепной зоне – носители сросткинской культурной традиции. Имеющиеся материалы демонстрируют различный характер отношений между ними и кыргызами. Поскольку тюрки в IX–X вв. выступали союзниками последних в войне против уйгуров, то на первом, яконурском, этапе наблюдалось мирное сосуществование. Об этом свидетельствуют, во-первых, рунические надписи, в частности из Мендур-Сокона [Баскаков, 1966, с. 80–81], во-вторых, погребальные памятники, сооруженные в пределах одного социального и сакрального пространства как в горных, так и в предгорных районах Алтая. Так, на могильнике Чинета II кыргызские курганы располагались рядом с почти синхронными им сросткинскими. Сохранение определенной обособленности цепочек курганов разных культур свидетельствует об отсутствии в этот период ассимиляционных процессов [Дашковский, 2011, с. 136–137]. Аналогичная ситуация зафиксирована при исследовании курганных групп Гилево I–IV: в пределах одного могильного поля обнаружены одновременные сросткинские и кыргызские захоронения [Могильников, 2002, рис. 1]. Сходные процессы отмечены в Центральном Алтае, где на некрополе Кара-Коба I выявлены курганы кыргызской и тюркской культур [Могильников, 1990]. Эти данные еще раз подтверждают достаточно стабильные в первый период отношения с местным населением, поскольку в противном случае по религиозным и идеологическим причинам кыргызы вряд ли стали бы хоронить своих умерших на общих кладбищах.

Интересным представляется исследование курганов 1, 2 могильника Юстыд XIV, относящихся к концу IX – началу X в. Их своеобразие заключается в особенностях надмогильных сооружений в виде подквадратной по форме каменной насыпи, горизонтальной кладки плит, ориентации ограды по сторонам света и т. д. По мнению Г.В. Кубарева [1995, с. 172–173], эти курганы вполне сопоставимы с памятниками типа минусинских чаатасов. Смешанный же характер погребального обряда, зафиксированный в них, возможно, является следствием контактов пришлых кыргызов и местного тюркского населения.

Во второй, ак-ташский, период пребывания кыргызов на Алтае характер взаимоотношений с местным населением несколько меняется. Так, зафиксированный на могильнике Чинета II случай разрушения кенотафа сросткинской культуры более поздним кыргызским погребением мог быть обусловлен как враждебными отношениями, так и утратой информации о принадлежности погребального объекта вследствие непостоянного пребывания в данном регионе кыргызов в XI в. [Горбунов, Дашковский, Тишкин, 2005]. Памятников второго этапа на Алтае меньше, чем первого. Это, вероятно, связано с ослаблением и так незначительного влияния кыргызов в данном регионе, а также в целом в Южной Сибири и Центральной Азии. Уже с конца X в. наблюдается процесс возвращения значительного их числа в бассейн среднего Енисея. Еще раньше, в начале X в. каган перенес свою ставку сначала из Южной Тувы в Центральную, а затем в Минусинскую котловину. Судя по имеющимся данным, такие перемещения обусловлены не только экономическими и внутривосточными проблемами, но и давлением со стороны киданей, а возможно, кунов, каев и найманов [Грач, Савинов, Длужневская, 1998, с. 67].

Таким образом, результаты исследования могильника Чинета II подтверждают вывод о существовании алтайского локального варианта культуры енисейских кыргызов на территории Южной Сибири. Выделенные в его рамках этапы достаточно хорошо синхронизируются с периодами развития других локальных вариантов, в частности тувинского и минусинского.

Список литературы

- Алехин Ю.П.** Енисейские кыргызы на Юго-Западном Алтае // Памятники кыргызской культуры в Северной и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 62–75.
- Арсланова Ф.Х.** Курганы с трупосождением в верхнем Прииртышье // Поиск и раскопки в Казахстане. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1972. – С. 53–73.
- Баскаков Н.А.** Три рунических надписи из с. Мендур-Соккон Горно-Алтайской автономной области // СЭ. – 1966. – № 6. – С. 79–84.
- Бородовский А.П.** Плетки и стеки в экипировке ранне-средневекового всадника юга Западной Сибири // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1993. – С. 179–189.
- Выборнов А.В.** Снаряжение коня у коренного населения Среднего Енисея позднего средневековья и начала Нового времени (по материалам археологических памятников) // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. – 2007. – Т. 6, вып. 3. – С. 221–237.
- Горбунов В.В.** Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2006. – Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). – 232 с.
- Горбунов В.В., Дашковский П.К., Тишкин А.А.** Взаимодействие средневековых кочевников в северо-за-

падной части Горного Алтая (по материалам памятника Чинета-II) // XIII Зап.-Сиб. археол.-этногр. конф. – Томск, 2005. – С. 145–147.

Грач А.Д., Савинов Д.Г., Длужневская Г.В. Енисейские кыргызы в центре Тувы: Эйлиг-Хем III как источник по средневековой истории Тувы. – М.: Фондамент-Пресс, 1998. – 84 с.

Дашковский П.К. Коргон-I – новый памятник культуры енисейских кыргызов в Горном Алтае // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2001. – С. 16–23.

Дашковский П.К. Культура енисейских кыргызов на Алтае и сопредельных территориях: современные направления исследования // Тюркологический сборник 2009–2010 гг. – М.: Вост. лит., 2011. – С. 130–151.

Длужневская Г.В., Семенов В.А. Кыргызские курганы правобережной Тувы // Памятники кыргызской культуры в Северной и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 76–85.

Евтюхова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). – Абакан: ХНИИЯЛИ, 1948. – 111 с.

Король Г.Г. Искусство средневековых кочевников Евразии: очерки. – М.; Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. – 332 с.

Кубарев Г.В. О памятниках типа минусинских чаатасов на Алтае // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1995. – С. 171–175.

Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. – М.: Наука, 1983. – 128 с.

Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. – М.: Наука, 1969. – 212 с.

Кызласов Л.Р. Тюхтятская культура древних хакасов // Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1981. – С. 54–59.

Кызласов Л.Р., Король Г.Г. Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. – М.: Вост. лит., 1990. – 216 с.

Могильников В.А. Древнетюркские курганы Кара-Коба I // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1990. – С. 137–185.

Могильников В.А. Курганы с трупосожжениями в северо-западных предгорьях Алтая // Алтай и сопредельные

территории в эпоху средневековья. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2001. – С. 77–138.

Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. – М.: Наука, 2002. – 362 с.

Нестеров С.П. Тесла древнетюркского времени в Южной Сибири // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 168–172.

Нечаева Л.Г. Погребения с трупосожжением могильника Тора-Тал-Арты // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. – М.; Л.: Наука, 1966. – Т. II. – С. 108–142.

Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X вв. – Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1990. – 223 с.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Культурно-хронологические схемы изучения истории средневековых кочевников Алтая // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 2002. – Вып. 9. – С. 82–91.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Комплекс археологических памятников около с. Чинета в Алтайском крае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – Т. VIII. – С. 468–471.

Тишкин А.А., Дашковский П.К., Горбунов В.В. Курганы эпохи средневековья на территории предгорно-равнинной части Алтайского края // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. X, ч. 1. – С. 410–415.

Тишкин А.А., Дашковский П.К., Горбунов В.В. Новые объекты эпохи средневековья на Чинетинском археологическом комплексе в Алтайском крае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – Т. XI. – С. 476–479.

Худяков Ю.С. Кыргызы на Табате. – Новосибирск: Наука, 1982. – 238 с.

Худяков Ю.С. Кыргызы в Горном Алтае // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1990. – С. 186–201.

*Материал поступил в редколлегию 11.01.14 г.,
в окончательном варианте – 24.01.14 г.*